


ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Дженнифер Льюис
БЕЗУМНЫЙ ПОЛДЕНЬ



041

 HARLEQUIN®

Содлази

Дженнифер Льюис
Безумный полдень
Серия «Соблазн – Harlequin», книга 41

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6279222
Безумный полдень: Центрполиграф; М.: 2013
ISBN 978-5-227-04669-7

Аннотация

Между Энни и Синклером, ее боссом, вспыхивает настоящая страсть – они вместе проводят ночь. Однако на следующее утро Синклер просит ее забыть о случившемся: людям разного круга не стать счастливыми в современном мире. Но можно ли так легко избавиться от чувств, которые уже успели угнездиться в их душах?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дженнифер Льюис

Безумный полдень

Глава 1

– Уверены, что это не опасно? – Энни старалась не смотреть на сильные ноги Синклера Драммонда, поднимающегося по шаткой деревянной лестнице.

– Нет. – Он бросил ей улыбку, от которой ее колени превратились в желе. – Если, конечно, забыть об этом проклятии.

– Ладно... рискну.

А могла ли она отказаться?

Он хозяин, она его экономка. Энни Салливан с опаской ступила на первую ступеньку шаткой конструкции, которая вела на чердак старого сарая. Этот сарай был пристроен к дому предками Драммонда, чтобы им не приходилось каждый раз встречать лицом порывы ветра, налетающего с Лонг-Айленда, когда было нужно покормить животных. Все, что там осталось, – это внушительная коллекция паутины и острых гвоздей для подков. Ступени под их ногами опасно поскрипывали.

– Вы когда-нибудь тут были? – спросил она.

Синклер толкнул люк.

– Да. В детстве. Я часто забирался сюда, когда мои родители ссорились.

Энни нахмурилась. Трудно было представить спокойную, полную достоинства миссис Драммонд повышающей голос. Но она никогда не видела его отца. Несколько лет назад он умер в результате какого-то несчастного случая.

– Сомневаюсь, чтобы после меня тут кто-нибудь бывал. – Он исчез в темном проеме.

С нехорошим предчувствием Энни заторопилась вслед за ним. Синклер щелкнул выключателем, сразу наполнив темное пространство ярким светом.

– Хорошо, что с электричеством все в порядке. Я и не подумал прихватить с собой свечи.

По жестяной крыше барабанил дождь. С массивной центральной балки свисал ряд голых лампочек. Коробки и ящики громоздились вдоль стен среди бесполезных столов, стульев и других предметов мебели. Дальняя стена была заставлена горой кожаных чемоданов с яркими наклейками. Несмотря на огромный размер помещения, пола почти не было видно.

– Вот, значит, то богатство, которое за триста лет нажили ваши предки. Ну и с чего тут можно начать? – Ее пальцы покалывало от нетерпения пройти по имуществу Драммондов.

Что казалось странным, поскольку именно в этом и заключались ее повседневные обязанности. Конечно, сметать пыль

и полировать серебро было совсем не так увлекательно, как открывать старые чемоданы, наполненные клубками моли и вековыми тайнами.

Синклер поднял крышку сундука, в котором оказались сложенные одеяла.

– Черт, если бы я только знал. Думаю, нам придется тут все перелопатить. – Закатав рукава, он погрузил внутрь сундука свои длинные руки, пытаясь там что-то нащупать. – Чаша сделана из металла. Возможно, из серебра, но скорее всего, из сплава свинца с оловом. Так что вряд ли она может представлять какую-то практическую ценность.

Тонкая рубашка натянулась на его сильной спине, когда он еще глубже погрузил руки в эту мягкую массу. Сердце Энни забилося быстрее. Почему ее босс такой привлекательный? Это не честно. Она работала у него вот уже шесть лет, и годы только красили его.

– И на этом всем тоже лежит проклятие? – Энни передернула плечами, с трудом подавив дрожь.

– Это семья проклята, а не чаша. – Синклер поднял голову, обезоруживающе улыбнувшись. – Три сотни лет страданий, которые могут закончиться, если три части этой чаши вновь соединить вместе. – Он хмыкнул. – Какая чушь! Но моя мать верит в это.

– Я рада, что ей уже лучше. Врачам удалось выяснить, что могло стать причиной ее болезни?

– Какая-то тропическая бактерия, вызывающая что-то

вроде холеры. Ей повезло, что она вообще осталась жива. Она и сейчас очень слаба. Я посоветовал ей на некоторое время покинуть город. Надеюсь, она приедет сюда. Вдвоем вам будет легче тут разобраться.

Сердце Энни упало. Значит, ей уже не придется смотреть, как сильные руки Синклера зарываются во все эти сундуки и коробки. Она работала в этом доме вот уже шесть лет, тем не менее они очень мало чего знали друг о друге. Ей нравилось оставаться с ним вдвоем, когда здесь не было гостей, и тогда она могла видеть совсем другого Синклера. Поиски чаши могли бы дать ей шанс узнать его лучше. Вместо этого Энни придется дышать старой пылью вместе с миссис Драммонд. Но сама история ее заинтриговала.

Она подошла к высокой плетеной корзине и подняла крышку. Внутри лежала свернутая кольцами веревка. Потянув за ее конец, Энни представила себе руки, плетущие эту веревку, в те времена, когда еще не было никаких машин. Все вокруг них было наполнено историей.

– Почему она думает, что ваша семья проклята? Вы все очень успешные люди.

– Да все у нас в порядке. Старая семейная легенда всплыла в памяти моей матери, когда она заболела. – Синклер вытащил кучу одежды, и Энни увидела, как напряглись мышцы под его джинсами. – И все наши браки распадаются тоже поэтому. – Его серо-голубые глаза странно блестели, то ли насмешливо, то ли печально. – Теперь она надеется найти

части этой чаши и снова их соединить. Она уверена, что это может изменить судьбу Драммондов. – Он снова положил вещи в сундук и закрыл крышку. – Конечно, я не верю ни в какие проклятья. Но идея ее вдохновляет, а я хочу, чтобы она выздоровела. Поэтому и обещал помочь.

– Вы великодушны.

– Не слишком. – Он отбросил упавшие на лоб волосы, обозревая кучи хлама, оставленные многочисленными поколениями Драммондов. – Если у нее будет занятие, она не будет ко мне приставать с женитьбой.

Энни наблюдала, как он ухаживал за своей второй женой – расчетливой карьеристкой. Она не была уверена, что сможет выдержать это испытание еще раз.

– Думаю, ей хочется внуков.

– Да. Но зачем? Разве это так необходимо – передать проклятие следующему поколению? – Его ирония заставила ее улыбнуться.

Конечно, его матери хотелось внуков, чтобы было кого побаловать. Хотя, если вкусы Синклера не изменятся, ей вряд ли представится такая возможность. Энни никогда не видела его первую жену, но Дайана Лэйклэнд не была женщиной, которая стала бы рисковать своей фигурой. Она вышла замуж ради денег и положения – что и теперь делало его одним из самых завидных женихов Нью-Йорка, – но потом он ей наскучил, когда ему надоело каждую ночь мотаться с одной вечеринки на другую.

Если бы Синклер только видел, что попусту тратит время на всех этих испорченных принцесс. Разумеется, Энни не могла сказать ему этого. В ее обязанности входило быть терпеливой и лояльной, не переступая допустимых границ.

Она отошла от корзины с веревками – вполне хватило бы, чтобы повеситься, – и сняла с полки небольшую деревянную коробку. То, что оказалось в ней, было похоже на набор шпилек для волос – дорогие, вырезанные из черепахового панциря и слоновой кости – те самые, что девицы семейства Драммонд втыкали в свои высокие прически.

– Это все равно что искать иголку в стогу сена. Хотя стог, конечно, интересный. А кому принадлежала эта чаша?

– Драммонды пришли из горных районов Шотландии. Гейлорд Драммонд был завзятым картежником и пьяницей и в 1712 году проиграл свое фамильное имение. Его три сына, оставшись без денег и земли, отправились в Америку. Когда корабль причалил к берегу, каждый решил идти своим путем. Чашу они разделили на три части. Они вновь собирались соединить их, когда каждый найдет свою удачу. Один из них обосновался на Лонг-Айленде и построил эту ферму.

– Ах, вот почему у вас такая длинная береговая линия.

Фермерский дом со временем был перестроен в стильный коттедж с выступающим фронтоном и широкими террасами. Старые картофельные поля превратились в сочные луга и сады с яблоневыми и грушевыми деревьями. Дог-Хабор – когда-то маленькая сонная деревня – теперь был окружен

пригородами Нью-Йорка. Один из Драммондов после войны продал застройщику поле для возведения там типовых домов. Отец Синклера за огромную сумму выкупил землю обратно – вместе с домами – и превратил ее снова в изумрудные луга. Холодные воды пролива Лонг-Айленд с мерным рокотом разбивались о галечный пляж в ста метрах от дома.

Синклер рассмеялся:

– Да. Старая ферма стала прекрасным вложением.

– А как им удалось разделить чашу? – Казалось, почти невозможно найти даже целую чашу в этом хламе, не то что какую-то часть.

– Моя мать считает, что чаша принадлежала древней общине и ее сделали так для того, чтобы прятать от викингов или протестантов-реформаторов – ну, это уже зависит от времени. История чаши передавалась из поколения в поколение. Мать говорит, что ей удалось найти потомков всех братьев.

– Я думаю, это отличная возможность снова объединить всю семью.

Синклер пожал плечами:

– Я никогда не слышал ничего о других Драммондах. Мы все угрюмые нелюдими и привыкли заботиться только о собственной жизни.

– Ну, не такой уж вы угрюмый нелюдим. – Энни тут же пожалела о своих словах. Меньше всего ей было нужно, чтобы он догадался о ее чувствах. – Во всяком случае, дале-

ко не всегда. — Она почувствовала, как загорелись ее щеки, и торопливо отошла в темный угол чердака. — А где живут остальные Драммонды?

— Один из братьев стал капером на восточном побережье.
— Пиратом?..

Синклер кивнул:

— Так гласит семейная легенда. Его потомки до сих пор живут там — один из них, во всяком случае, — на побережье Флориды. Не думаю, что Джек Драммонд — потомок профессионального охотника за сокровищами — станет нам помогать искать чашу.

— Он может быть в этом заинтересован. Ведь чаша имеет отношение к семейной истории.

— Сомневаюсь. Ну а третий брат Драммондов сумел разбогатеть в Канаде, а потом вернулся обратно в Шотландию и выкупил фамильное имение. Его потомки и сейчас живут там. Моя мать так и не получила никакого ответа на свои письма. Но она не отчаивается. Думаю, она до него доберется, когда восстановит свои силы. — Синклер осторожно спустил с двустворчатого шкафа большую коробку. — Не так уж много осталось на свете Драммондов. — Он усмехнулся. — А может, и в самом деле было какое-то проклятье?

Был ли проклят и Синклер? Казалось, он вел шикарную жизнь, разделяя свое время между пентхаусом на Манхэттене и другими домами. Каждый год Энни видела его здесь только несколько выходных, ну и, возможно, пару недель ле-

том. Достаточно времени, чтобы мечтать о нем, но недостаточно, чтобы узнать его секреты. А были ли у него секреты? Желания? Страсти?

Она отбросила в сторону эти мысли. Его личная жизнь ее не касалась.

— Кое-что из этих вещей не стоило оставлять здесь гнить. — Энни достала большую сервировочную тарелку из-под еще одного витка веревки. — Уверена, вы могли бы смело отвезти ее на «Антикварные гастроли».

Синклер присвистнул.

— Ну да. И сказать, что она была куплена в пятидесятых на распродаже у Вулворта. — Он добрался до огромного деревянного сундука — более обшарпанного, чем кожаные чемоданы и пароходные кофры. Сундук оказался наполненным аккуратно сложенной одеждой.

— О, какие кружева! — Энни подошла и достала оттуда белоснежную ткань, обшитую тонким кружевом. — Даже не похоже, что это когда-нибудь носили.

Ткань оказалась тончайшей ночной рубашкой.

— Кому принадлежала эта одежда?

— Не имею ни малейшего понятия. Я ее не укладывал. — И опять эта насмешливая улыбка, которая всегда заставляла быстрее биться ее сердце. — У меня вообще нет привычки рыться в женских вещах.

— Нет, вы только посмотрите! — Отложив в сторону рубашку, Энни наклонилась над сундуком. Там лежало зеленое са-

тиновое платье с богато украшенным вышивкой лифом. — Я никогда не видела ничего подобного!

Синклер вытащил платье из сундука. Судя по всему, оно было бальное — приталенное, с глубоким вырезом.

— Потрясающе! И это синее под ним — тоже. — Она наклонилась и достала синее шелковое платье, расшитое мелким жемчугом. — Все это должно быть в музее! — Казалось преступлением оставлять здесь пылиться эти прекрасные платья даже еще на одну минуту. — Давайте отнесем их в дом и повесим как следует.

— Вам этого так хочется? — Вид у Синклера был скептический. Конечно, ему нужно было найти свою чашу — только это его и волновало. — Ладно, давайте отнесем.

— Я возьму столько, сколько смогу унести! — улыбнулась она.

Синклер, подхватив в охапку платья, без малейшего колебания ступил на шаткую лестницу. Энни осторожно последовала за ним. Тяжелая одежда тянула ее вниз, ей было страшно, что она может оступиться.

— Мы могли бы повесить их в гардероб в желтой спальне. Он почти пустой с тех пор, как миссис Драммонд избавилась от своих старых меховых пальто.

В спальне они положили все платья на широкую двойную кровать.

— Вы только посмотрите на это серое. Не представляю, как в то время можно было вплести в ткань серебряную нить?

– Наверное, у кого-то ушла на это вся жизнь. В то время все было по-другому. Каждая вещь была произведением искусства.

– Я думаю, обычные люди никогда даже не притрагивались к подобным вещам. – Она провела пальцем по гладкой струящейся ткани. – Если, конечно, им не приходилось помогать даме застегивать ее корсет.

Вот чем, скорее всего, Энни бы пришлось заниматься в то время. Она пробежалась пальцами по глубоким складкам на талии и вздохнула.

– Потрясающее платье. Я никогда не видела ничего подобного.

– А почему бы вам его не примерить? – Глубокий голос Синклера заставил ее вздрогнуть. Она почти забыла, что он здесь.

– Мне? Примерить? Нет. Это же, можно сказать, музейные экспонаты. Да и талия у меня не такая тонкая.

– Не согласен. Насчет вашей талии. – Его глаза на мгновение опустились на ее талию.

Ее сердце забилося быстрее. Конечно, Энни могла бы просто подождать, когда останется одна в доме. Но тогда кто-нибудь мог заметить, что платье надевали. А что, если это ее единственный шанс?

– Ну... – Она выбрала синее. – Не знаю, подойдет ли оно мне...

– Тогда примерьте. А я отвернусь, если, конечно, вам не

нужно будет помочь с застежкой. – Синклер отошел к дальнему окну.

Сердце ее подпрыгнуло. У Энни появилось ощущение, что граница между ними стала совершенно прозрачной.

– Уверена, что эти платья носили с корсетом, и я не ду-
маю...

Его брови приподнялись.

– Вы хотите вернуться на чердак и снова заняться поис-
ками чаши?

Она колебалась:

– Ну... может...

Синклер кивнул, в его глазах заиграли смешинки. Он от-
вернулся.

Как это мило с его стороны позволить ей прикоснуться к семейным ценностям. Она взяла темно-синее с жемчугом. Приложила к себе – длина в самый раз.

И хотя в талии платье было очень узким, все же не таким узким, как показалось вначале. Может, в конце концов, оно ей подойдет.

Энни знала, что он не будет за ней подглядывать.

Она сняла джинсы и рубашку. Платье было мятым и пахло камфарой и в то же время казалось совсем новым, словно его сшили только вчера. Маленькие жемчужинки щекотали ей кожу, пока она натягивала узкие рукава. Глубокий вырез явил на свет ее белый бюстгальтер, поэтому его пришлось снять. Она уже застегнула половину пуговиц, когда Синклер

спросил, не нужно ли ей помочь.

— Ерунда, осталась всего лишь какая-то пара сотен. — Она улыбнулась, чувствуя себя принцессой в таком роскошном платье.

Оно спускалось до самого пола, синими волнами расходясь на светлом паркете. Туфли с каблуками были бы здесь в самый раз.

— Вау... — Синклер застыл в изумлении. — Вы неотразимы. — Он медленно смерил ее взглядом с головы до ног. — Совсем другая женщина. — Он прошел через комнату, чтобы застегнуть оставшиеся пуговицы. — Я же говорил, вам оно подойдет.

— Странно, да? — Энни чувствовала себя девчонкой, играющей в переодевание. — Хотя почему мы должны думать, что люди в то время были другими? Не такие уж мы разные, в конце концов.

— Нет, мы не разные. — Голос Синклера прозвучал ниже, чем обычно. Застегнув пуговицы, он снова посмотрел на Энни. Его взгляд скользил по ее щеке, шее...

Смутившись, она убрала за ухо выбившуюся прядь.

Он нахмурился:

— А вам идет, когда волосы подняты.

— Я их всегда так ношу. — Она машинально дотронулась до заколки.

— Да? Странно, я этого не замечал... — Его взгляд, казалось, жег ее кожу.

– Это все из-за платья...

– А, значит, вы прятались. Скрывали за одеждой такую прекрасную фигуру.

Верх платья выполнял также функции бюстгальтера, приподнимая грудь, придавая ей пышность.

– Я и сама об этом не догадывалась. – Энни попыталась за шуткой спрятать смущение.

– Вам идут красивые платья. – Голос его прозвучал чуть хрипло. – Стоило бы чаще так одеваться.

– Мне некуда так одеваться. – Она посмотрела в сторону зеркала, пытаясь поймать свое отражение.

Синий цвет подчеркивал рыжеватый оттенок ее волос. Широкие плечи Синклера заслоняли часть ее фигуры, скрывая самые соблазнительные формы. В зеркале они казались парой. Расстояние между ними сократилось, почти исчезло.

Если бы.

Энни снова попыталась рассмеяться. Ее смех беспомощно повис в воздухе, неожиданно ставшим жарким и душным. Под его пристальным взглядом она почувствовала дрожь. Слова не шли на ум. Их взгляды встретились. Одна секунда, две, три...

Губы Синклера прижались к ее губам с неожиданной силой. Энни ответила ему с не растроченной за долгие годы страстью.

Его поцелуй опьянял, как крепкий ликер. Она еще никогда не была так близко к нему. Его кожа казалась гладкой, но

теперь Энни чувствовала и легкую шероховатость щетины. Его пальцы скользнули сквозь ее волосы, освобождая их от заколки, срывая стон с его губ.

Внутри ее развернулась пружина желания. Его страсть, жажда были осязаемы. Она могла чувствовать дрожь твердых мышц. Жар загорелой кожи. Горячее дыхание на своей щеке.

«Что мы делаем?»

Эта мысль казалась такой далекой, такой чужой. Пальцы Энни вплелись в его густые волосы. Они были шелковистыми. Его руки скользнули по ее спине, ягодицам. Она прогнулась. Его дыхание участилось.

Поцелуи Синклера оказались жесткими, страстными. Его пальцы впивались в тонкую ткань платья, желая почувствовать под ним ее тело. Он притянул ее ближе, заставляя ощутить его эрекцию.

Энни задохнулась. Вытащила его рубашку из брюк. Его мышцы, сильные и напряженные, двигались под ее пальцами. Она не раз видела его полуобнаженным, но никогда не думала, что сможет собственными руками ощутить его силу.

Синклер расстегнул пуговицы на ее платье. Ее кожу показывало от желания скорее почувствовать его ладони на своей коже.

«Ты действительно собираешься позволить ему раздеть себя?» – спросил ее внутренний голос. И все ее тело ответило – да. Синклер, как и она, просто скрывал свои чувства.

Надо же. Ей и в голову не могла прийти такая мысль.

Энни засмеялась, когда его пальцы проникли под ткань, было щекотно. Он сдвинул лиф, награждая ее восхищенным взглядом. Темная прядь волос упала на его глаза, когда он начал спускать платье дальше.

Ее соски коснулись его груди, когда Энни наклонилась, чтобы расстегнуть ремень. Пальцы Синклера скользнули под резинку ее трусиков. О, если бы на ней было более элегантное белье, подумала она, вспыхнув при мысли, что он увидит ее практичные-бабушкины-штанишки.

Синклер не обратил на это никакого внимания. Между лихорадочными поцелуями она чувствовала его горячее дыхание на своей шее. Его эрекция мешала расстегнуть молнию на джинсах. Наконец ей удалось справиться с этой задачей.

Дыхание Энни участилось. Жар сжигал ее изнутри. Теперь стояли обнаженные друг против друга. Его тело покрывал загар, живот был плоским и твердым, его эрекция...

Вау. Они действительно собирались заняться любовью? Похоже, именно к этому все и шло. Глаза Синклера были закрыты, его руки двигались по ее телу. От его прикосновений кожа словно наэлектризовалась. Как совершенно обычный день мог сделать такой поворот? Было ли это как-то связано с пропавшей чашей?

Или с проклятием?

Энни почувствовала, как похолодела ее кожа, словно от

внезапно потянувшего сквозняка. Этот мужчина был ее работодателем. Она служила в его доме. С другой стороны, поезд уже ушел. Они стояли обнаженные в большой спальне, смятая одежда лежала у их ног. Поздно было притворяться, что ничего не случилось.

И сейчас Энни хотелось только одного – еще больше сблизиться с ним. Она подумала, не сказать ли ему, что у нее стоит спираль, но не хотелось разрушить столь деликатный момент прозаическим замечанием.

И она поцеловала его.

– О, Энни, – выдохнул он.

Она не была девственницей и имела представление, каким может быть секс. Но подобных ощущений она никогда не испытывала. Пальцы Синклера впивались в ее бедра, пока его губы ласкали ее, заставляя стонать от наслаждения.

Она и не думала, что Синклер может быть столь раскованным в постели. Он всегда казался ей таким консервативным.

Двигаясь с искусной плавностью, он доводил Энни до состояния, когда она готова была взорваться, но потом снова менял позицию, чтобы достичь новых высот. Увидеть – почувствовать – его, задышающегося от желания к ней, сводило ее с ума.

– О, Энни, – снова пробормотал он, целуя ее в губы и погружаясь так глубоко, что, казалось, они могли стать единым целым.

– О, Син. – Так она называла его в своих фантазиях, слов-

но герцога из ее любимого романа.

И теперь произнести его вслух показалось ей таким естественным, что она засмеялась от удовольствия.

Син – грех. Вот уж действительно. Но ощущения были настолько приятными, что в этом просто не могло быть ничего плохого. Синклер прижался к губам Энни, и все ее тело задрожало от пробежавшей по нему волне оргазма.

О боже. Она никогда не испытывала ничего подобного. С прерывистым стоном Синклер опустился на нее, потом перекатился на спину.

– О боже, – прошептал он. – О боже...

Глава 2

Он крепче прижал к себе ее расслабленное тело. Золотистые волосы касались его лица, синие глаза смотрели из-под длинных ресниц. Он мягко поцеловал ее в губы.

Синклера переполняло удивительное чувство покоя и умиротворенности. Второй бракоразводный процесс совершенно вывел его из равновесия. Он и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя таким удовлетворенным. Он потянулся вперед и прошептал ей на ухо:

– Ты – чудо. – Их щеки соприкоснулись, когда губы Энни растянулись в улыбке.

Он сделал глубокий выдох. Жизнь бывает так сложна и запутанна, что время от времени просто необходимо опустаться к самым истокам. Он позволил своим пальцам поиграть с золотистыми прядями.

– Надо сказать, это было совершенно неожиданно. – Ее голос прозвучал для него как музыка.

– Да. – Его мозг по-прежнему пребывал в тумане. – И чудесно.

– Надеюсь, мое тушеное мясо еще не сгорело. Я совсем потеряла ощущение времени.

Тушеное мясо? Где-то у себя под боком ему удалось найти свои наручные часы.

– Почти пять.

Его мышцы напряглись. Пять часов вечера. Где-то готовят тушеное мясо. Он вернулся к реальности.

Эта восхитительная сильфида в его объятиях вовсе не была прерафаэлевской мадонной, явившейся из тумана, чтобы развлечь его.

Это была его экономка, Энни Салливан.

– Что случилось? – спросила она с беспокойством.

Живот Синклера судорожно сжался. Он что, действительно затащил ее в постель? Перед глазами все поплыло. Не сошел ли он с ума? Друзья предупреждали, что слишком долго обходиться без секса вредно для мозгов.

И вот теперь он, голый и потный, лежит здесь, придавленный телом женщины, которая чистит его серебро.

Его голова упала на подушки. В некотором роде это было типично. То же делали его предки. Еще одно доказательство, что он ничуть не лучше, чем все лживые волокиты Драммонды, жившие до него.

Энни почувствовала, что его настроение изменилось. Она натянула на себя покрывало и отодвинулась. Синклер прикрылся простыней.

Конечно, это была его вина.

– Извини, – пробормотал он.

Энни покраснела.

Синклер уже сгорал от стыда из-за того, что накинулся на женщину и без всяких колебаний затащил ее в постель.

– Не знаю, что на меня нашло. – Он сел и вдруг замер.

Может, это начало заболевания? Та самая тропическая болезнь, что удерживала его мать в состоянии беспамятства почти неделю?

О черт, предохранение. Эта мысль ударила его как током.

– Ты принимаешь таблетки? – Далекий от романтики вопрос повис в воздухе, словно ядовитое испарение.

– Не таблетки, но что-то вроде. Я не забеременею. – Ее серебристый голосок прозвучал как легкий шелест. Энни выбралась из постели, прикрыв свое обнаженное тело.

И что за тело! Синклер и понятия не имел, какие соблазнительные формы скрывались под джинсами и оксфордской рубашкой. Его снова пронзило желание.

Но Энни уже одевалась. Он отвел глаза, проклиная демона похоти, сбившего его с пути. Ему стоит начать заниматься гимнастикой и принимать холодный душ. Плохо оказаться столь неосмотрительным в собственном доме, но... что потом? С кем еще он может переспать? С собственной секретаршей или с администратором на ресепшене?

Приглушенное ругательство сорвалось с его губ. Энни вздрогнула. Он замер, сообразив, что невольно добавил еще одно оскорбление.

– Это я себе. Не могу понять, что на меня нашло.

– Я тоже, – пробормотала она и подняла с пола синее платье, избегая его взгляда. – Я повешу его в шкаф. – Ее голос звучал тускло, соблазнительное тело снова было спрятано под практичной одеждой.

Синклер сделал несколько глубоких вдохов. Он должен вернуться на Манхэттен. Немедленно.

Энни ушла. Он оделся. Когда Синклер наклонился, чтобы обуться, то увидел под кроватью ее заколку.

Как это могло случиться?! Он всегда гордился тем, что в любой ситуации мог сохранять самоконтроль. Он посмотрел на грудку платьев, лежащих в деревянном кресле, – роскошные безжизненные ткани – на ее точеной фигурке они смотрелись совсем по-другому.

Синклер еще раз выругался. Очевидно, он оказался во власти временного помешательства. Лучше нагрузить себя работой, чтобы для подобных глупостей не оставалось ни времени, ни энергии.

Он вышел из комнаты. Коридор был пуст, натертый деревянный пол сиял в послеполуденном солнце. Энни тактично куда-то исчезла – в этом деле у нее определенно был талант.

Жаль, что узнал и о других ее качествах. Было бы намного легче не знать, что ее дыхание отдает свежим ароматом жимолости, или что когда она возбуждена, цвет ее глаз приобретает оттенок грозового моря.

Он всегда приезжал сюда почти без вещей. Зачем? Здесь у него и так был полный шкаф одежды. Все, что ему требовалось забрать, – это кошелек и ключи, которые он оставил у себя на рабочем столе. Он положил их в карман и вышел из дома через боковую дверь. Прямо к машине, которая всегда была готова отвезти его – на самой высокой скорости – к его

привычному существованию.

Скрип гравия подтвердил то, что она ожидала, на что надеялась и чего боялась. Синклер уехал. На мгновение Энни наклонилась над спинкой кровати, проникаясь странной смесью чувств. Ее тело все еще дрожало от недавно пережитых ощущений.

Она зажмурилась. Почему? И почему сейчас? Все шло так гладко. Она завела счет, куда откладывала сэкономленные деньги, чтобы потом приобрести дом и построить там собственный мир. Она даже нашла себе небольшую подработку, занимаясь ручным вязанием и продавая свои изделия через Интернет. А в перспективе собиралась открыть и магазин. Все это было вполне осуществимо. Девяносто процентов времени, пока прославленные Драммонды освещали своим появлением манхэттенские вечеринки или навещали свои шикарные особняки в более теплых и фешенебельных местах мира, она была здесь одна. То, что Энни получала хорошую зарплату с полным пакетом социальных гарантий, кое-кому могло показаться странным.

И вот теперь она все испортила.

Энни выглянула в окно, выходящее на подъездную дорожку. Нет, ей не померещилось – серый гравий, старые дубы – все на месте, но машины уже не было. Уехал. Вернулся к своей жизни и ко всем женщинам, которые его ждали.

Подавив вздох, Энни вышла в коридор. Ее спальня была

на первом этаже, рядом с кухней. Дом снова стал пустым и тихим. Однако спокойствие исчезло, превратившись в горькое сожаление. Она поднялась на второй этаж и направилась к желтой спальне для гостей, которой почти никогда не пользовались. Там они...

Энни осторожно толкнула дверь, словно боясь того, что может найти за этим черным полированным дубом. Ее сердце кольнуло при виде смятой постели: сброшенная на пол подушка, сдернутая с матраса простыня. Ее взгляд остановился на груде роскошных викторианских нарядов в деревянном кресле.

Откуда пришла эта страсть? Энни мечтала о Синклере с самого первого дня, как его увидела. А какая бы женщина не мечтала? Высокий, темноволосый, красивый и фантастически богатый. Но дело было не только в этом. Ко всему прочему он был еще и джентльменом, очаровательным и в чем-то даже старомодным. Всегда вежливый и предупредительный с ней и с гостями, которые бывали в этом доме. Нет, в него просто невозможно было не влюбиться.

Энни подняла с пола подушки и положила их на комод. Простыни тоже придется постирать. И не смогла устоять, чтобы не прижаться лицом к подушке, прежде чем снять с нее наволочку. Белый хлопок до сих сохранял следы теплого мужского запаха. Ее глаза закрылись, когда она позволила себе на секунду вернуться к тому мгновению, когда он увлек ее в свои объятия.

Идиотка! Он, наверное, решил, что она просто доступная женщина. А может, она и в самом деле такая?

Они перешли от игры в переодевание к постели буквально за пять минут.

Энни тряхнула головой и стянула с подушки наволочку. Как она теперь посмотрит ему в глаза?

На следующие выходные Синклер не приехал. Энни продолжала разбирать вещи на чердаке. Всего лишь за пару дней она обнаружила там столько всего интересного, что решила начать составлять опись. Конечно, никакой чаши там не было, но зато она нашла так много разных вещей, что у всех на «Антик роуд-шоу» просто отпали бы челюсти. Было жаль оставить их гнить здесь еще три сотни лет только потому, что никто о них не знал.

К тому же список давал понять, сколько всего Энни успела просмотреть за эти дни.

Синклер даже не позвонил. Да и зачем ему это? Он уже извинился за то, что считал моральным падением. О чем еще говорить? Драммонд не мог иметь к ней никаких чувств. В дополнение к унаследованным деньгам и недвижимости он основал хеджевый фонд и сделал миллионы. Он получил степень в Принстонском университете, она же едва окончила среднюю школу. Он был дважды женат, у нее даже не было серьезного увлечения. У них вообще не было ничего общего, кроме того, что оба они спали под одной крышей – она

намного чаще, чем он.

Следующая неделя тоже прошла без Синклера. Потом снова впереди замаячили выходные. Вечер в пятницу всегда заставлял ее нервничать. Это было то время, когда могли появиться гости. Ее, конечно, предупреждали, но не всегда. Дом и так поддерживался в состоянии полной боеготовности – стандартный набор продуктов в холодильнике, в спальнях чистое белье и чистые пляжные полотенца.

Раньше Энни то и дело поглядывала в окно, надеясь, что Синклер приедет без какой-нибудь спортивной худышки из инвестиционного банка. Но сегодня она была просто на взводе. Что, если он привез женщину?

Когда Энни услышала хруст гравия на подъездной дорожке, ее сердце учащенно забилось. Поборов желание куда-нибудь спрятаться, она подошла к окну. Пожалуйста, только без женщины, Синклер. Ну хотя бы пока, чтобы она успела забыть ощущение его губ на своих губах.

Стильная блондинка вышла из машины. Спасибо, Синклер. Возможно, таким способом он хотел дать ей понять, что между ними не может быть никакого продолжения. Хотя его поспешный отъезд две недели назад не мог оставить никаких сомнений на этот счет. Должна ли она встретить их у входа?

Энни захотелось выскочить через заднюю дверь и отправиться напрямик на станцию.

«Но ты же профессионал. Ты сможешь это сделать». Эн-

ни поправила волосы и одернула полосатую оксфордскую рубашку. Если Синклер сделает вид, что ничего не случилось, то и у нее это тоже получится. Потом, возможно, они об этом поговорят, а возможно, даже и посмеются.

Или вообще не станут вспоминать о случившемся.

Энни потянула на себя входную дверь.

– Добрый вечер, – сказала она.

– Здравствуйте, Энни. – Его низкий бархатный голос отозвался в ней болью. – Вы конечно же помните миссис Драммонд.

Взгляд Энни переместился на элегантную блондинку.

– Миссис Драммонд, как я рада вас видеть!

Худая как палка и загорелая до черноты в любое время года, мать Синклера выглядела намного моложе своих лет. Большую часть времени она проводила в путешествиях по экзотическим странам, и последний раз Энни видела ее года три назад.

– Энни, дорогая, надеюсь, я не окажусь для тебя слишком большой обузой. – Ее серые глаза были усталыми, да и загар выглядел не очень здоровым. – Доктора говорят, что я уже вырвалась из лап смерти, и теперь мне бы очень пошел на пользу свежий морской воздух.

– О да. Морской воздух всегда нам полезен. – Энни подошла к багажнику, откуда Синклер вытаскивал дорожные сумки, когда открылась задняя дверь.

Высокая брюнетка выбралась из машины, болтая с кем-то

по сотовому.

Сердце Энни упало. Только ей показалось, что горькая доля ее миновала, как появилась новая подружка.

Она машинально протянулась к сумке.

– Я сам отнесу, – остановил ее Синклер и направился к дому.

Энни захлопнула багажник. До чего же старательно он избегал встречаться с ней взглядом.

– Миссис Драммонд, не хотели бы вы сейчас выпить чаю?

Энни посмотрела на гибкую фигуру молодой женщины, обвешанную тремя сумками. Вероятно, ей следовало бы помочь, но...

– Энни, дорогая, это Вики. – Миссис Драммонд показала на брюнетку, которая на мгновение отвлеклась от разговора, чтобы бросить им быструю улыбку.

Отлично. Вики. Она выглядела в точности как все женщины, с которыми встречался Синклер. Холодная, надменная, требовательная. Жаль, что ему всегда нравились именно такие.

А может, он этого заслуживал?

– Здравствуйте, Вики. Позвольте вам помочь.

Увлеченная разговором, брюнетка с готовностью уступила ей самый большой серебристый чемодан. Ее сестра всегда говорила, что не стоит всюду предлагать свою помощь и вообще вести себя словно горничная XVIII века.

подавив вздох и нацепив на лицо вежливую улыбку, Эн-

ни пошла в дом, как всегда готовый к приему гостей. Синклер уже куда-то исчез, вероятно, пошел в свою комнату. С тяжелым сердцем Энни поднималась по лестнице. Вики шла за ней, все так же болтая по телефону. Бросив взгляд в комнату, которую обычно занимала миссис Драммонд, Энни заметила, что Синклер уже принес туда ее сумки. Его комната была следующей, мгновение Энни колебалась, стоит ли туда заносить багаж Вики.

– Уж не думаешь ли ты, что я собираюсь спать с Сином! – прозвенел за ее спиной голос брюнетки.

Энни обернулась. Вики смеясь, закрыла телефон.

– Не-не-не, только не это! Не помню, чтобы я вообще когда-нибудь спала с ним, даже когда мы учились в колледже. Впрочем, это было так давно, что я могла и забыть.

– Я думаю, Вики можно устроить в голубой спальне, – сказала миссис Драммонд.

– Отлично. Вполне соответствует моему настроению. – Вики остановилась, вскинув сумку на бедро, чтобы засунуть туда телефон.

На мгновение мелькнули узкие серые трусики и белый лифчик со странным серебряным символом.

Энни моргнула.

– В голубой так в голубой. – Уф. Значит Вики не была новой подружкой Синклера.

– Вики давняя подруга нашей семьи. Странно, что вы с ней не знакомы, Энни, – пояснила миссис Драммонд.

– Немало лет прошло с тех пор, как я имела счастье пребывать в фамильном доме Дог-Хабор, – продекламировала Вики. – О боже, как летит время! Я просто безумно рада вновь оказаться здесь.

Энни мгновенно напряглась. Ей показалось, что она уловила нотку сарказма в голосе гостьи. Зачем она приехала сюда? Воспользоваться их гостеприимством, чтобы потом в каком-нибудь салоне Манхэттена посмеяться над ними? Нет, она совсем не была похожа на подружек Синклера с их аккуратными стрижками и кашемировыми двойками.

– И мы тоже очень рады тебя здесь видеть, дорогая. – Миссис Драммонд подошла к Вики и, приложив ладонь к ее щеке, запечатлела на другой свой поцелуй.

Энни была удивлена. Она никогда не видела проявления таких чувств со стороны миссис Драммонд.

– Все будет как в старые времена.

– Боже, надеюсь, что нет. – Вики тряхнула головой. – Терпеть не могу возвращаться в прошлое. Но побыть среди старых друзей всегда приятно. – Она посмотрела дальше в коридор. – И где эта голубая спальня? Мне ужасно хочется поскорее принять душ.

Энни вышла из заторможенного состояния:

– Извините... Сюда. Я принесу чистые полотенца. Еще что-то нужно? Шампунь? Кондиционер?

– У меня есть с собой все, кроме воды. – Взгляд Вики задержался на Энни чуть дольше, чем следовало.

Сердце Энни сжалось. У нее опять появилось это странное – и не очень приятное – чувство. Кто эта Вики и зачем она здесь?

На обед Энни решила приготовить любимое блюдо миссис Драммонд – копченого лосося с ежевичным соусом и гарниром из молодого картофеля и зеленого горошка с местного рынка.

– Как это мило! Значит, Синклер все же сообщил вам, что мы приедем. – Кэтрин бросила на него любящий взгляд.

Энни улыбнулась, избегая смотреть на Синклера. Опыт научил ее быть готовой ко всему. Она получала удовлетворение, хорошо выполняя свою работу. В столовой горели восковые свечи, из окон лился теплый свет заходящего солнца. Если что-то в доме и бывало не так, то это случалось отнюдь не по ее вине.

Энни наклонилась над Синклером, чтобы долить ему в бокал белого вина. Его темные волосы касались воротника. У нее перехватило дыхание, когда она вспомнила их густую шелковистость под своими пальцами.

Странное чувство заставило Энни поднять глаза и встретиться взглядом с Вики. А вдруг та заметила, как она смотрит на Синклера?

– По-моему, это несправедливо. Энни приготовила обед, а теперь еще должна и крутиться вокруг нас, – прозвенел колокольчиком голосок Вики.

– Ты права, дорогая, – тут же согласилась Кэтрин. – Энни, милая, возьми себе тарелку и присоединяйся к нам. Мы сегодня как одна большая семья. – Она потянулась через стол и похлопала Вики по руке.

Брови Вики слегка поднялись, но она улыбнулась.

Энни колебалась.

Такое предложение выглядело скорее унижительным. К тому же если она сядет за стол, то когда ей нужно будет встать, чтобы принести следующее блюдо? Можно ли ей выпить вина или лучше ограничиться лимонадом?

– Спасибо, но я уже поела, – солгала она.

– Но тогда хотя бы посиди с нами. – Кэтрин кивнула на свободный стул рядом с Синклером. – Мне просто не терпится услышать, как там продвигаются поиски на чердаке. Что-нибудь удалось найти?

Энни выдвинула стул, отозвавшийся недовольным скрипом, и постаралась сесть подальше от Синклера. А он даже глаз не поднял от своей тарелки. Посмотрел ли он на нее хоть раз за весь вечер?

А может, это и к лучшему? Мысль, что в его глазах она может встретить презрение, была ей просто невыносима.

– Я просмотрела несколько ящиков и чемоданов. Сделала опись. Хотите, я ее принесу? – Она едва села за стол, а ей уже хотелось встать. По крайней мере, эти записки как-то займут ее руки.

– О нет, не сейчас. Меня интересует, не нашла ли ты фраг-

мент чаши?

Энни покачала головой:

– Я тщательно просмотрела все, что было в ящиках, но пока мне не попало́сь ничего похожего. Хотя я даже не представляю, как эта чаша выглядит. Может, сохранилось какое-нибудь описание?

Кэтрин сделала глоток из своего бокала:

– Известно только то, что она серебряная. И без всяких инкрустаций. Возможно, даже это и не серебро, а сплав олова со свинцом или каким-то другим металлом. Странно, конечно, что такая ценная для них вещь сама по себе дешевая.

Вики откинулась на спинку стула:

– Это говорит только об их знании человеческой натуры. То, что она не была дорогой, обеспечило ей неприкосновенность. А... какого она была примерно времени?

– Может, ей больше трех сотен лет, – отозвалась Кэтрин. – Чаша была в семье задолго до того, как братья уехали в Америку. Никто не знает, откуда пошла эта легенда. Когда я вышла замуж за Стивена, отца Синклера... – она посмотрела на Энни, – его мать была еще жива и любила рассказывать истории из жизни их рода. Она говорила, что, вероятно, настало время попытаться найти чашу. – Кэтрин подняла тонкую бровь. – Ее брак тоже не был счастливым. И все ее сыновья – не исключая и моего мужа – были большими сумасбродами.

Какое-то мгновение она задумчиво смотрела на Синклера, который, казалось, полностью сосредоточился на разре-

зании картофеля.

– Вот я и думаю, а что, если восстановление целостности чаши сможет изменить судьбу рода? – Она заговорщицки наклонилась к Вики. – Легенда гласит, что это вернет Драммондам состояние и счастье. Но, как женщины, мы, конечно, знаем, что и для нас в таком случае жизнь станет легче.

Энни наконец поняла. Кэтрин Драммонд привезла Вики сюда в надежде, что она может стать членом их семьи.

Ее сердце сжалось.

– На чердаке очень много и других интересных вещей, – сказала она, желая изменить направление своих мыслей. – Там можно найти что угодно – от старого охотничьего рога до жемчужной броши. Поэтому я и решила составить опись. Жаль оставлять там похороненными столько замечательных вещей.

– Иногда это помогает вещам уцелеть, – сказала Кэтрин, слегка приподняв тонкую бровь. – Особенно в век электронных покупок. Хотя, думаю, Вики может со мной не согласиться.

Вики рассмеялась:

– Я верю в сочетаемость вещей с их идеальным владельцем.

– Вики занимается антиквариатом, – объяснила Кэтрин.

– Впрочем, некоторые называют это по-другому. – Вики наморщила лоб. – Во всяком случае, ценность вещи в глазах владельца.

– Думаю, они называют это красотой, – сказал Синклер.

Это были, наверное, его первые слова за весь вечер. На мгновение за столом воцарилась тишина.

– Разве это не одно и то же? – Гостья отпила из бокала, не отрывая взгляда от Синклера.

Энни судорожно сглотнула. Вики просто излучала самоуверенность – интеллектуальную и сексуальную. Разумеется, Синклер мог бы ею заинтересоваться. С другой стороны, она...

– Давайте я уберу посуду. – Энни встала и начала собирать со стола сервировочные тарелки.

– Ценность и красота часто вообще не имеют друг к другу никакого отношения, – услышала она за своей спиной голос Синклера. – Некоторые из моих самых выгодных вложений были сделаны в то, на что никто бы и смотреть не захотел, – в уран, бокситы, природный газ.

– Одним словом, ты из тех, кто предпочитает простые и скучные вещи, – заключила Кэтрин.

Энни съежилась.

– Да, я больше привык ценить полезные вещи.

– Господи, что же нам делать с вашим сыном?! – сокрушенно вздохнула Вики.

Энни переложила остатки картофеля в пластиковый контейнер – ее ужин.

– Один Бог знает, чего я только ни делала, все – бесполезно. Возможно, эта легендарная чаша – наш единственный

шанс. – Женский смех вонзился ей в уши.

Когда Энни вернулась в столовую, чтобы забрать остальные тарелки, разговор перешел на другую тему – предстоящую вечеринку. На мгновение она почувствовала себя Золушкой, которой было назначено судьбой помочь всем подготовиться к балу, а самой остаться дома.

Она взяла тарелку с нетронутым хлебом и не смогла устоять, чтобы не бросить быстрый взгляд на Синклера. Он тоже смотрел на нее.

Она почувствовала дрожь и одновременно горячую волну желания. Он быстро отвел глаза.

– Я завтра пойду в море, – сказал он, посмотрев на мать. – На весь день.

– Ну, а мы с Вики начнем разбираться на чердаке.

Энни едва не выронила тарелки. Значит, ее помощь больше не понадобится? Странно, но у нее уже появилось своего рода собственническое чувство к этим покинутым сокровищам.

Ничего из этого ей никогда не принадлежало и никогда не будет принадлежать.

Она отнесла тарелки на кухню и поставила в посудомоечную машину.

«Он и не думает о тебе. Для него это было лишь минутным моральным падением. Минутным помешательством», – шептал ей разум.

– Энни. – Раздался за ее спиной низкий голос. Вздогнув,

она обернулась. Синклер стоял в дверях кухни. — Нам нужно поговорить.

— Да, — выдохнула она.

— Завтра. — Его глаза сузились, между бровей появилась морщина. — Когда мы будем одни.

Она кивнула, сердце стучало где-то в горле. Синклер повернулся и вышел из кухни. Под накрахмаленной рубашкой было видно, как сутулились его плечи.

Он вообще был очень молчалив сегодня, почти не участвуя в общем разговоре. Сначала она думала, что он просто решил сделать вид, что ничего не произошло. Но теперь... теперь он хотел остаться с ней наедине. Поговорить.

Глава 3

Синклер имел привычку сам готовить кофе и тосты, но Энни не знала, что могут пожелать на завтрак гости, поэтому решила на всякий случай приготовить омлет и овсянку. Может, Синклер спустится раньше, пока другие не проснутся?

К ее разочарованию, первой, зевая и потягиваясь, внизу появилась Вики. Со спутанными волосами, в бриджах и короткой майке, но все равно чертовски элегантная.

– Доброе утро, Энни. Ты хотела бы спросить, не желаю ли я позавтракать?

– Вы меня опередили. Так что бы вы хотели на завтрак? – Она выдавила из себя жизнерадостную улыбку.

– А грейпфруты есть в доме? – спросила Вики.

– Я приготовила салат из мускусной дыни, винограда и ананаса, но, увы, без грейпфрута. Хотите, чтобы я для вас достала грейпфруты? – Может, она сидела на какой-нибудь идиотской диете – двадцать семь грейпфрутов в день и ничего больше? Да, за такой фигурой надо следить.

– О боже, нет, конечно. Фруктовый салат меня вполне устроит. Но если можно, я бы не отказалась еще и от яичницы с беконом. А... Синклер уже встал?

Энни моргнула:

– Я его не видела.

– Вероятно, улизнул с утра пораньше, чтобы не столкнута-

ся с нами. – Вики заговорщицки улыбнулась. – Не слишком общительный тип, верно?

Энни посмотрела на лестницу. Неужели Синклер действительно уже ушел? Иногда он исчезал еще до рассвета. Она не знала, куда он ходил, но скорее всего, на пляж. Хотя при гостях он обычно этого не делал.

Она не стала отвечать на вопрос Вики. Необщительный тип? Глупости. Как он мог бы работать в такой успешной инвестиционной компании, если бы не умел общаться?

– Вам бекон хорошо прожаренный?

– Да, лучше прожаренный. – Вики побрела в столовую, по дороге подхватив со столика «Нью-Йорк таймс».

Энни направилась на кухню.

К счастью, в холодильнике у нее всегда был хороший запас продуктов на любой вкус. Три ломтика бекона уже скворчали в духовке, а на сковородке жарились яйца, когда распахнулась дверь кухни. Энни вздрогнула, ожидая увидеть широкоплечую фигуру Синклера и встретить его суровый взгляд.

Брови Вики удивленно взметнулись.

– Вау! Ты прямо как на иголках. Ждала кого-то еще?

– Нет, – быстро ответила Энни.

Слишком быстро. Она выложила бекон и яичницу на тарелку, надеясь, что румянец на щеках можно будет списать на жар от духовки.

Вики прислонилась к двери.

– Синклер – темная лошадка, – медленно протянула она.

Энни хотелось возразить или по крайней мере спросить, почему Вики так думает, но внутренний голос остановил ее.

– Вы будете завтракать в столовой?

– Я все возьму сама. – Вместе с тарелкой она прихватила нож и вилку. – И спасибо тебе большое, что ты все приготовила. Выглядит ужасно аппетитно. – Она блеснула еще одной ослепительной улыбкой и вышла из кухни.

Энни с облегчением вздохнула. Неужели Вики заподозрила, что между ней и Синклером что-то было?

Около десяти вниз спустилась Кэтрин, чтобы съесть свои несколько ложек мюсли.

– Мой сын нас уже покинул? – спросила она.

– Не знаю, я не видела. – Энни принесла ей стакан сока.

Каким образом Синклеру удалось пройти незамеченным? Она встала с первыми лучами солнца. Если только не специально постараться. Но это как-то плохо сочеталось с их запланированным разговором.

– Мне не терпится поскорее отправиться на чердак, хотя я и знаю, что мне не стоит слишком усердствовать. Доктор сказал, что я не должна находиться на ногах больше тридцати минут кряду. – Кэтрин тряхнула головой. – Не представляю, как можно что-то сделать, если придется присаживаться каждые полчаса. Но он очень известный врач, и я обещала сыну, что буду придерживаться всех его рекомендаций.

– А как сегодня вы себя чувствуете?

– Слабость. – Она невесело усмехнулась. – Быстро выды-

хаюсь. Надо бы чего-нибудь съесть, чтобы пополнить запас энергии, но у меня совершенно нет аппетита. Может, стоит попробовать акупунктуру? Моя подруга говорила, что иногда это помогает.

– Моя сестра таким способом пыталась бросить курить, – отважилась вступить в разговор Энни, – но ничего не получилось. Возможно, в этом скорее нужно винить мою сестру, а не иглотерапевта. Думаю, ей больше хотелось доказать, что в ее случае этот метод все равно не сработает.

Кэтрин улыбнулась:

– Ну нет, у меня совсем другой настрой. Мне есть для чего жить. Я еще хочу увидеть своих внуков.

Энни вздрогнула, едва не расплескав сок. Синклер был единственным сыном Кэтрин Драммонд, а это означало, что только от него она могла дожидаться внуков. И ее главной задачей было устроить его следующий брак.

– Да, тут действительно есть для чего жить.

– А как насчет тебя, Энни? В твоей жизни есть кто-то? – последовал вопрос.

Энни замерла.

– Ты живешь здесь так уединенно. Меня беспокоит, что мы совсем отрезали тебя от общества. А ты не пробовала воспользоваться службой знакомств в Интернете?

Энни почувствовала облегчение. И в то же время некоторую обиду. Кэтрин даже не пришло в голову, что у нее и у Синклера могло что-то быть.

– Пока меня это устраивает. Придет время, и я встречу своего принца. – Она улыбнулась, надеясь, что замечание прозвучало достаточно естественно.

– В наши дни с этим не стоит тянуть. Лучше самой отправиться на поиски принца, пока их всех не разобрали.

«Синклера уже два раза «брали», и тем не менее он все еще доступен». Она не стала озвучивать свою мысль. И действительно, был ли дважды разведенный мужчина таким уж хорошим выбором? Энни подавила вздох.

– Да у меня и времени для этого нет. Я хочу поступить в колледж на вечернее отделение.

– В самом деле? – Глаза Кэтрин расширились.

Энни пожалела о своих словах. Этот план не совсем еще сформировался даже у нее в голове, а хозяйева уже начнут беспокоиться, не станет ли она пренебрегать своими обязанностями. Зачем она это ляпнула? Из-за глупого страха показаться жалкой недоучкой, которой всю жизнь суждено полировать серебро в барском доме?

– Ничего особенного. Я просто хотела узнать немного о бизнесе. – Энни небрежно пожала плечами.

Ей не хотелось рассказывать Кэтрин о своей мечте открыть собственный магазин.

– Думаю, это прекрасно, Энни. Если я чем-то могу быть полезна – ну, дать рекомендацию... или что-то еще в таком роде, я с удовольствием это сделаю. Уверена, Синклер будет очень рад.

– Спасибо, – сказала она. – Вам приготовить еще тосты?

– О нет. Больше не нужно. Я бы хотела отправиться сейчас на чердак, если все уже готовы.

* * *

Они провели уже полдня, перебирая содержимое старых ящиков и коробок. С каждым часом становилось все жарче. Вики была на редкость молчалива, внимательно рассматривая все предметы, словно желая составить их ментальную опись. Они нашли несколько безделушек XVIII века, искусно вырезанных из кости, и аккуратно упакованные в коробку две старые китайские вазы. Но в основном это был просто хлам – ворох целлулоидных воротничков и жалкие шляпки из кротовых шкурок. После полудня они решили сделать перерыв.

– Сейчас неплохо бы выпить стаканчик чаю со льдом, – сказала Кэтрин, вставая с раскладного стула, который Энни специально принесла для нее.

– Вы идите, а я через пару минут вас догоню, – сказала Вики, склонившись над большим черным чемоданом.

– Что-то интересное? – спросила Кэтрин, обмахиваясь, словно веером, какой-то старой книжкой.

– Еще не знаю... Надо посмотреть.

– Пойдем вниз, Энни, – произнесла Кэтрин.

Энни с беспокойством посмотрела на Вики. Все в ней так

и восставало против того, чтобы оставлять ее здесь, среди семейных сокровищ.

— Энни, не могли бы вы мне помочь спуститься с лестницы?

Ей не осталось ничего другого, как заняться приготовлением лепешек со сметаной и джемом, одновременно прислушиваясь, не раздастся ли на подъездной дорожке звук машины Синклера.

Кэтрин задремала в стоящем в тени кресле, Вики записывала в телефон сообщение, когда наконец послышалось знакомое урчание мотора. Сердце Энни пустилось вскачь. Она поспешила на кухню, чтобы не видеть, как Синклер поцелует в щеку Вики.

Шаги на лестнице сказали, что он пошел к себе в комнату. Энни с облегчением вздохнула. И в то же время с разочарованием. Он явно не горел желанием ее увидеть. Она, конечно, могла и сама подняться под предлогом поменять полотенца или собрать для стирки постельное белье. Обычно в конце недели она всегда так делала.

Но теперь уже ничего не будет как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.